

Донникова Ирина Анатольевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Национального университета «Одесская морская академия»

Мальченко Владимир Викторович – соискатель кафедры философии, социологии и менеджмента социокультурной деятельности

УДК:130.2

«СБОРКА» ЧЕЛОВЕКА КАК САМООРГАНИЗАЦИЯ В КУЛЬТУРЕ

Анализируется проблема «сборки» человека в контексте антропологической ситуации «возвращения субъекта». Ставится вопрос о необходимости меж- и трансдисциплинарной коммуникации, которая дает возможность использовать положения позитивной и негативной антропологии, философии культуры и методологический инструментарий «науки о сложном». Концепт «сборка субъекта» уступает место концепту «самосборка человека» с акцентированием внимания на экзистенциально-культурологических аспектах проблемы. Используется концепт «полисущностный человек» для выявления самоорганизационного потенциала человека. «Сборка» человека рассматривается в онтологическом аспекте – как процесс самоорганизации антропологической сложности, в котором человек и культура создают друг друга.

Ключевые слова: «сборка» человека, полисущностный человек, культура, самоорганизация, сложность, антропологическая сложность.

«ЗБИРКА» ЛЮДИНИ ЯК САМООРГАНІЗАЦІЯ В КУЛЬТУРІ

Аналізується проблема «збирання» людини в контексті антропологічної ситуації «повернення суб'єкта». Порушується питання про необхідність між- і трансдисциплінарної комунікації, яка дозволяє використати положення позитивної та негативної антропології, філософії культури а також методологічний інструментарій «науки про складність». Концепт «збирання суб'єкта» поступається місцем концепту «збирання людини» з акцентуванням на екзистенціально-культурологічних аспектах проблеми. Використовується концепт «полісутнісна людина» для виявлення самоорганізаційного потенціалу людини. «Збирання» людини розглядається в онтологічному аспекті – як самоорганізація антропологічної складності, що відбувається через взаємотворчість людини і культури.

Ключові слова: «збирання» людини, полісутнісна людина, культура, самоорганізація, складність, антропологічна складність.

"ASSEMBLY" OF THE PERSON AS AN SELF-ORGANIZATION IN CULTURE

The problem of human "assembling" is analyzed in the anthropological situation of the "return of the subject". Philosophical-anthropological ideas that reveal the content of the concept of human "assembling" are highlighted, and the question of methodology is examined. It notes the need for inter – and transdisciplinary communication to conjunction the positions of positive and negative anthropology, the philosophy of culture and the methodological tools of the "science of the complex". The human "assembling" is revealed as self-organization of complexity – the process of human "self-assembling" is carried out as the creation of culture.

Culture is a complexity, which is "inserted" in a human (as his creative potential and acquired cultural experience) or into which a human is "inserted" (cultural context). At the same time, culture is a specific social "technology" that ensures the human self-development. So, culture is a way of self-organization (self-assembling) of anthropological complexity, which is opposed to its destruction.

Keywords: human assembling, poly-essential human, culture, self-organization, complexity, anthropological complexity.

После ряда сменивших друг друга «поворотов» (герменевтического, лингвистического, культурологического) проблематика современной философии становится все более субъектно-

ориентированной. Объявленная постмодернизмом «смерть субъекта» в начале ХХI века оборачивается его «возвращением». Происходит «сборка», меняющая представления не только о самом субъекте, но и о правилах его «сборки».

В связи с этим на первый план выдвигается философско-антропологическая проблематика, раскрывающая, по словам К. Вульфа, историю жизни и процессы становления человека. «При этом становление человека понимается как многомерный процесс, в котором взаимодействуют экологические, генетические, мозговые, социокультурные факторы» [1, с. 229–230]. Е. Андрос, анализируя задачи современной философской антропологии, указывает на ее обращенность к бытию в мире обычного человека, в противном случае она является бессмысленной и никчемной [2, с. 25].

Размышления об абстрактном субъекте переходят в плоскость размышлений о человеке, стремясь максимально приблизиться к реальности человеческой жизни. В таком контексте, поэтому, более точной будет формулировка проблемы как «сборка» человека с акцентированием внимания на индивидуально-личностных, экзистенциальных основаниях человеческого бытия, связанных с культурой.

Анализ проблемы требует, во-первых, выделения тех антропологических идей, которые высветят содержание концепта «сборки» человека, во-вторых, поиск соответствующей методологии, продуктивной для осмысления этой проблемы. В первом случае речь может идти об объединении положений «позитивной» и «негативной» антропологии, представляющих альтернативные модели человека. Эту тенденцию А. Ермоленко определяет как переход классической антропологии к дискурс-антропологии. «Дискурс-антропология является антропологией интерсубъективности, антропологией, которая рассматривает человека как дискурсивное животное, то есть как существо, по своей идентичности являющееся дискурсивным существом, *homodiscursivus*» [3, с. 16].

Междисциплинарный дискурс философской антропологии и философии культуры, начало которому было положено еще в классической антропологии, определил культуру одним из сущностных определений человека и его бытия. Между тем, проблема сборки человека не может не изменять и концепт культуры, высвечивать новые аспекты взаимосвязи человека и культуры, которые не были актуализированы в классической антропологии.

В определении с методологическим аспектом проблемы представляется продуктивной меж- и трансдисциплинарная «разведка», в которой идеи современной философской антропологии, включенные в философско-культурологический дискурс (с его методологическим инструментарием), были бы сопряжены с методологическими программами «науки о сложном» (определяемой также как нелинейная наука, синергетика, постнеклассическая наука), оперирующей интересующими нас концептами «сложность», «самоорганизация», «нелинейность» и др. Сборка человека, осуществляемая вместе со сборкой культуры, на наш взгляд, может быть раскрыта как самоорганизационный процесс. Вопрос о том, как осуществляется «сборка», в чем специфика способа «сборки» человека, преодолевающего разнообразные проявления негативного в своем бытии, выводит нас на осмысление самоорганизации как феномена культуры.

Цель статьи заключается в выявлении специфики «сборки» человека как самоорганизационного процесса, направляемого культурой.

Философская проблема «сборки» человека коррелирует с научной проблемой «формирования нового ... самоорганизующегося субъекта как системной целостности не редуцируемых друг к другу таких понятий как «Я», «личность», «другой»...» [4, с. 61]. «Наука о сложном» осуществляет свой «поворот к человеку», на центральное место выводя понятие субъекта. «Современная наука на переднем крае своего поиска поставила в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен сам человек» [4, с. 55]. Поскольку каждый субъект, взаимодействуя с окружением, осмысливает, интерпретирует его по-своему, реальность становится формой представления бытия субъектов, моделируемой ими реальностью [4, с. 56].

Следует заметить, что аналогичная идея укоренена и в феноменологическо-герменевтической философской традиции с соответствующим пониманием связи человека и культуры, что позволяет говорить о возникновении единого проблемного поля гуманитарного знания и науки. Наконец, такие особенности современной науки, как взаимосогласованность моделей, внедрение принципа «паутины концепций», сетевого подхода, открытая коммуникативная рациональность также создают возможность меж- и трансдисциплинарного дискурса.

Трудность заключается в том, что теоретическое ядро науки о сложном представлено естествознанием с исследовательским аппаратом математики, который ограничивает его использование в анализе философско-культурологических проблем. Вместе с тем, существующее разнообразие научных трактовок научной сложности (И. Пригожин, И. Стенгерс, Э. Морен, К. Майнцер, В. С. Степин и др.) позволяет дополнить их гуманитарными, культурологическими концептуализациями. Важные шаги в этом направлении предпринимаются В. И. Аршиновым и Я. И. Свирским, которые осмысливают «постнеклассического субъекта» как носителя ценностно-познавательного сознания и вводят понятие «креативно-рекурсивной, коммуникативной реальности, имеющее историко-культурную, междисциплинарную подоплеку» [4, с. 65].

Концепт сложности выполняет функцию не только гносеологического принципа, но обретает и онтологический статус. Он позволяет осмысливать природу, общество и человека как сложности, определенным (сложным) образом связанные между собой. Такое понимание сложности, в частности, предлагает Э. Морен [5]. В современных трактовках сложности объединяются две основные идеи, на которые мы будем опираться: несмотря на внутренние, разрушающие ее противоречия, сложность проявляет себя как целостность; сложность обладает способностью к самоорганизации, в общем виде понимаемой как способность трансформировать внутренние противоречия в саморазвитие. В определении Э. Морена, «сложность возникает ...одновременно как относительность, соотнесенность, разнообразие, несхожесть, двойственность, двусмысленность, неопределенность, антагонизм, и в объединении этих понятий, которые являются по отношению друг к другу дополнительными, конкурирующими и антагонистическими» [5, с. 191].

Рассмотрение человека как самоорганизующейся сложности предполагает, во-первых, поиск возможности сопряжения позитивно-творческих и негативно-деструктивных проявлений его активности. Во-вторых, дает возможность актуализировать проблему «сборки» человека шире – как проблему «сборки» антропологического, учитывая и социокультурный контекст, разнообразие коммуникации человека с миром.

В новейшей украинской философско-антропологической мысли началом постановки проблемы «сборки» человека можно считать монографию В. Табачковского «Полісутнісність: філософсько-мистецька думка в пошуках «неєвклідової рефлексивності» [6], в которой указывается на необходимость согласования обнаруженных философией эссенциально-экзистенциальных характеристик человека. В. Табачковский приводит более сорока определений человека, предложенных философией (Платон, Аристотель, Л. Фейербах, А. Шопенгауэр, Э. Кассирер, А. Камю, Ж. Батай, Э. Финк и др.) и философичной литературой (Ф. Достоевский, Л. Украинка, М. Пруст, В. Набоков, Л. Гинзбург, И. Бродский и др.), прослеживает переход от проблемы поиска «первосущности» человека к констатации принципа «открытого вопроса».

Традиционные подходы к пониманию сущности человека опирались на идею о ее статичности, о наличии в человеке некой неизменной субстанции, открытие которой давало ключ к пониманию человеческого существования. Однако стало понятно, что сущность человека определяется факторами, которые создаются им самим. В этом смысле человек действительно является творцом себя и своей сущности. В. Табачковский отстаивает идею о принципиальной взаимодополняемости всех имеющихся и возможных сущностных определений человека, и, по сути, вопрос о «сборке человека» ставит в центр современной

философской антропологии.

Дальнейшее «разворачивание» концепта «полисущностного человека» осуществляется в коллективной монографии украинских философов «Грані людського буття: позитивні та негативні виміри антропокультурного». Так, Е. Андроспишет: «... человеческая природа существует, но существует не как завершённое целое, а как процесс, который основан на ее принципиальной открытости. И основывается эта природа на биологической незавершённости человека, определенном выпадении из эволюционного ряда, к тому же, не может полностью компенсироваться культурными артефактами, тоже двойственными по своей природе: с одной стороны – это мир творческого самоутверждения человека, а с другой – мир, что порождает ряд эпифеноменов отчуждения» [7, с. 15.]. Человек предстает существом с расфокусированной «точкой сборки», не сводимым к конкретным неизменным сущностям. Т. Лютый отмечает, что его онтологической характеристикой становится маргинальность как пространство сближения, взаимопроникновения, обоюдного дополнения негативных и позитивных характеристик [8; с. 220,226].

Современная философская антропология признает взаимодополняемость всех сущностных определений человека, взаимопереходы сущности и существования. Так, Э. Морен, определяя человека как «животное, наделенное неразумием», указывает на необходимость «уравнивания» достоинств и недостатков человека, поскольку прогресс сложности, разумности и социальности осуществляется благодаря, изаодно, и вопреки его ошибкам и фантазиям [9, с. 108].

Полисущностный человек, в основу своего бытия закладывает конфликт: с собой, с «другим», между поиском положительного и отрицанием ценностей [10, с. 290]. В его бытии действует «закон нетождественности», принцип нарушенной симметрии, что допускает взаимодействие, взаимодополнение противоположного, «одного» и «другого». Человек, который по своей сути порождает и живет в онтологическом конфликте, обречен (опять же по своей сути, для того, чтобы жить) находить пути, средства его преодоления.

Полисущностность можно интерпретировать как способность человека к альтернативной, разновекторной самореализации, включающей и векторы саморазрушения. Она становится той побудительной силой, которая определяет потребность человека к самоопределению, и в предельном выражении выявляется в поиске смысла жизни. Человека показывает перед мучительно й сложной жизненной проблемой – «взаимосогласования сущности и существования» [11, с. 25]. Он «приговорен» к постоянному установлению, а значит – поиску способов форм самоутверждения, никогда не находя полного удовлетворения в найденном обретенном.

Принципиальная несводимость сущности ни к одному из ее проявлений оборачивается для человека необходимостью сопряжения разных стратегий исследования мира. Г. Шалашенко отмечает, что ответ на вопрос «что такое человек» остается недостаточным без ответа на то, «кем есть человек?». Всегда текучий, постоянно меняющийся контекст бытийного мира человека все время восстанавливает сложность отношений между этими двумя вопросами, и на каждом историческом этапе теоретическое установление этих отношений является значительно более сложным делом, чем это кажется на первый взгляд [12, с. 126].

Концепт полисущностности, на наш взгляд, дает возможность определить человека как сложность, способную к самоорганизации. Бытие человека может быть представлено как антропологическая сложность, поскольку оно разворачивается «из» сложного субъекта – «с его недостаточностью, ограниченностью, эгоцентризмом, этноцентризмом, а также с его волей, сознанием, вопрошанием и направленностью на исследование... с беспорядком, неопределенностью, противоречием, его смятением перед космосом, потерей привилегированной точки наблюдения, но также и одновременно с осознанием его культурной и социальной укорененности hic et nunc, здесь и теперь» [5, с. 126]. Таким образом, антропологическая сложность соотносится с онтологией сложности (становлением, неопределенностью, хаосом, порядком, взаимодействием) и

«индивидуальной онтологией» (В. Табачковский), в центре которой человек как сложность.

В таком онтологическом контексте на первый план выходит специфика индивидуальной «самосборки» с присущими ей способами. Сложность, понимаемая не как сложенное, а как процесс (то, что складывается, существует как потенциально сложенное), не может быть понята без учета испособов согласования ее частей. Логично предположить, что способ самосборки должен быть органичен данной сложности, отвечать ее природе, производиться ею. Рассматривая антропологическую сложность, следует учитывать ценностно-смысловой аспект самоорганизации. Потребность человека в смыслополагании, ценностном наполнении жизни есть выражение его полисущности (как потенциальной сложности), способности самому создавать жизненную программу, а значит, и определенные «технологии» ее реализации.

За «самосборку» антропологической сложности отвечает культура, которая есть одновременно и составляющая (часть) этой сложности и способ ее «сборки», т.е. самоорганизации. Более того, культура становится необходимой частью антропологической сложности именно потому, что способствует ее самоорганизации. Культура как «изобретенный» человеком способ самоорганизации появляется и проявляется тогда, когда возникает необходимость соотнесения, организации многообразия проявлений человеческого, как в самом человеке (когда речь идет об индивидуальном становлении), так и в его социокультурном окружении. Именно тогда возникает вопрос о собственно человеческом бытии, творческих возможностях человека и рисках его универсальной безграничной реализации.

Таким образом, связь человека и культуры можно рассматривать, по крайней мере, в двух аспектах. Первый аспект предполагает их соотношение как «вложенных» друг в друга сложностей, взаимодействия между которыми могут быть описаны с помощью принципов сложного мышления.

По словам Э. Морена, культура появляется в процессе очеловечивания раньше, чем родился собственно человеческий вид *sapiens*. Человек по своей природе – существо культурное, а культурное в человеке – продолжение природного [9, с. 46]. В культурном содержится, воплощается человеческое, в человеке – потенциально и актуально присутствует культура. Тем самым, антропологическая сложность «устроена» по голографическому принципу, – не только часть входит в целое, но и целое «встроено» в часть (иными словами, часть и целое могут меняться местами).

Связь человека и культуры осуществляется также по принципу рекурсивной петли, который означает, что продукты сами являются причинами того, что их производит. В данном случае это выражается в известной формулировке: человек создает культуру, которая создает человека. Отношения человека и культуры строятся на взаимотворчестве, которое рождает, поддерживает, изменяет антропологическую сложность.

Между человеком и культурой существует дополнительная, конкурентная, антагонистическая связь как между двумя противоположностями, то есть имеет место диалогический принцип. Разворачиваясь «из» и «вместе» с антропологической сложностью, культура, тем не менее, в онтологическом плане никогда полностью не совпадает с человеком, культура и человек не исчерпываются друг другом. Человек является избыточным по отношению к культуре, актуализированному в культуре, выходит за ее пределы. Всегда имеет место априорная неактуальность созданного культурного – оно выражает только определенный аспект человеческого. В то же время, культура расширяет пределы антропологического бытия, стимулируя человека к творчеству, реализации свободы, тем самым также не совпадая с человеком, каким он есть «здесь и сейчас». Можно утверждать, что в культуре всегда есть неучтенное человеческое, а в человеке – неучтенное культурное.

Кроме того, поощряя разнообразие индивидуальных форм человеческого существования, культура создает уникальные культурные целостности, устанавливая между ними границы и

тем самым продуцируя противоречия. Культура есть способ самореализации и самоопределения человека, в котором границы возникают как внутри антропокультурного («моя» или «не моя» культура), так и между культурой и антикультурой («человеческое» и «античеловеческое»). То есть антропологическая сложность является холистической и одновременно распадающейся из-за внутренних противоречий, но именно они, по словам Э. Морена, парадоксальным образом создают ее [5, с. 14].

В то же время, «производя» человеческие индивидуальности и общности, культура одновременно создает условия для их сосуществования и сотрудничества, функционируя как ценностно-смысловая сложность, предлагая человеку апробированный в истории культурный опыт. Она выявляет, обнаруживает потенциал полисущностного человека, вместе с тем, ставя человека перед необходимостью «ценностной» экспертизы проявленного человеческого, согласования его с уже включенным в опыт культуры. Человек, заявляя о себе в разнообразных актах «самотворения», на самом деле, не может быть полностью уверен в том, что творимое, являемое им миру «здесь и сейчас» есть культурное. Статус «культурного» или «не культурного» проявления человеческого обретают только через соотнесение с другим «культурным» или «не культурным». Присвоение статуса культурного осуществляется всегда заново, впервые, поскольку человек по большей мере имеет дело с уникальными (сложными) людьми, ситуациями, объектами.

Уместно в рассматриваемом контексте отметить важность исследования культурных границ, «разрывов», «травм» и других кризисных явлений. Речь идет о различных проявлениях неустойчивости и нестабильности культуры, причем не только в коллективных формах. Истоки этих кризисных явлений целесообразно искать и в индивидуальном существовании, а способность человека их преодолевать рассматривать как одно из проявлений культуры самоорганизации.

Культура «присутствует» на всех уровнях и в различных сферах человеческого бытия, но смена переход от одного уровня к другому требует учитывать изменение критериев «культурности», поскольку каждая индивидуальная сложность создает себя только ей присущим уникальным способом. Следовательно, необходимо обратить во внимание фрактальность, самоподобие культурного и одновременно неповторимость его форм, на границах существования которых культура может возникнуть или разрушиться.

Если учитывать процессуальность сложного, а именно то, как через взаимодействия человека и культуры происходит их взаимотворчество, просматривается второй аспект отношений человека и культуры – культура как сложность функционирует также и в качестве способа самоорганизации человека. Для понимания этого аспекта уместно разделить понятия «порядок» и «организация», как это делает Э. Морен. В общем понимании организация есть «распорядок отношений между компонентами или индивидами, которые порождают сложное единство или систему, наделенную неизвестными качествами на уровне компонентов или индивидов. ... Организация... трансформирует, продуцирует, связывает, поддерживает» [5, с. 140]. Организация отвечает за средства и способы связи (как?), в то время как порядок есть результат организации (что?).

Культура, вопреки распространенному пониманию, соотносится не только с создаваемым человеком порядком (или порядками), но и со способами и средствами его (их) создания. Рассматриваемые как «вложенные» друг в друга сложности, человек и культура могут отождествляться с определенными «порядками», взаимодействующими между собой. Представляя культуру как способ самоорганизации, мы выявляем необходимые условия, которые создаются самим человеком (людьми) для возникновения порядка. Культура, тем самым, и создает эти условия, и является этими условиями. В культуротворчестве человек задает себе вопросы о том, что он создает, и как он это делает, решает проблему взаимообусловленности целей и средств, а не их взаимооправдания. Культура, тем самым, представляет собой созданную и постоянно обновляемую специфическую социальную «технологию», обеспечивающую саморазвитие человека.

Таким образом, «сборка» антропологической сложности осуществляется через взаимодействие человека и культуры, с одной стороны, как «порождающих» и «заинтересованных» друг в друге, с другой стороны, как недостаточных друг для друга сложностей. Культура при этом может быть рассмотрена как ценностно-смысловая сложность, одновременно и «вложенная» в человека (как его творческий потенциал и усвоенный культурный опыт) и в которую «вложен» человек (культурная среда). Это дает основания рассматривать культуру как способ самоорганизации (самосборки) антропологической сложности, противостоящий ее распаду. Культура есть выражение способности человека как сложности создавать себя, стремясь сохранить постоянно нарушаемое им равновесие с собой и миром.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вульф К. Антропология: История, культура, философия / Пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2008. – 280 с.
2. Андрос Є. Сучасне філософсько-антропологічне знання як спосіб самовизначення людини у світі // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Сучасне філософське антропологічне знання в контексті викликів доби: дев'ять шинкаруківські читання», 18 квітня 2014 року. – С. 24–31.
3. Анатолій Є. Метаантропология трансцендентального дискурсу в прикладних антропологічних дослідженнях // Визначальні виміри сучасного філософсько-антропологічного знання / Зб. наук. праць: Філософсько-антропологічні студії ' 2013. – К.: Стило, 2013. – С. 14–31.
4. Проблемасборки субъектов в постнеклассической науке [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. – М.: ИФРАН, 2010. – 271 с.
5. Морен Э. Метод. Природа Природы / Эдгар Морен; перевод и вступительная статья Е. Н. Князевой. — Изд. 2 – е, доп. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. — 488 с.
6. Табачковський В. Г. Полісутнісність: філософсько-мистецька думка в пошуках «неєвклідової рефлексивності». — К.: Видавець ПАРАПАН, 2005. — 432 с.
7. Андрос Є. Бівалентність людського ества та проблема метафізичного зла // Грані людського буття: позитивні та негативні виміри антропокультурного / Андрос Є. І., Шалашенко Г. І., Загороднюк В. П. [та ін.]: – Київ: Наукова думка, 2010. – С. 6 – 86.
8. Лютий Т. Маргінальність у людському бутті // Грані людського буття: позитивні та негативні виміри антропокультурного / Андрос Є. І., Шалашенко Г. І., Загороднюк В. П. [та ін.]: – Київ: Наукова думка, 2010. – С. 217 – 233.
9. Морен Э. Утраченная парадигма: природа человека. – Киев: Кармэ-Синто, 1995. — 240 с.
10. Ковадло Г. П. Толерантність у конфлікті: суспільна практика та сучасні етичні обґрунтування поняття // Грані людського буття: позитивні та негативні виміри антропокультурного / Андрос Є. І., Шалашенко Г. І., Загороднюк В. П. [та ін.]: – Київ: Наукова думка, 2010. – С. 289 – 313.
11. Колізії антропологічного розмислу / В. Г. Табачковський, Г. І. Шалашенко, А. М. Дондюктаїнш. – К.: Видавець ПАРАПАН, 2002. – 156 с.
12. Шалашенко Г. І. Філософська антропология між двох питань: «що таке людина» і «хто така людина» // Сучасне філософське антропологічне знання в контексті викликів доби: дев'ять Шинкаруківські читання: матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., 18 квітня 2014 р. / Нац. акад. наук України та ін. – Хмельницький: ХмЦНП, 2014. – С. 122 – 130.